

В двух краях комсомольского подвига

Любая общественная, научная, педагогическая деятельность лишь тогда может считаться успешной и плодотворной, если она нашла свое продолжение в творчестве молодых и ярких последователей.

Образование и воспитание – две стороны одной медали.

Ежегодно я получаю множество писем от своих воспитанников, которые сегодня работают во всех уголках бывшего СССР.

Начиная от первых мастеров велосипедного спорта, которых я подготовил, работая старшим преподавателем кафедры физического воспитания и спорта (1949-59).

Именно в тот период я не только осуществлял подготовку из студенческой молодежи мастеров спорта, но и сам «привозил» в Университет победы и рекорды на дистанциях 100, 150 и 200 километров.

Часто вспоминаю своего воспитанника, кандидата технических наук, мастера спорта Виктора Блохина, неоднократного победителя Всесоюзных гонок, сотрудницу типографии университета Лидию Степанову, которая победила в велогонке «Ленинградское кольцо» по Ленинграду и в том же 1954 году победоносно финишировала на Красной площади в Москве, в проводимой велогонке по Садовому кольцу, оставив позади всех участвующих мастеров и заслуженных мастеров спорта страны.

В 1959 году я перевелся в Красноярск на работу по велоспорту. До начала моей тренерской деятельности в Красноярском крае не было подготовлено ни одного мастера спорта.

Приехав в Красноярск, я остановился в гостинице «Енисей». Встречаться с тренерами и общественностью не было смысла. Я не испытывал желания слушать сказки о том, что нет велосипедов, а тем более состязаться с местными товарищами в количестве выпитой водки. Мной было принято решение устроиться на работу в спортивное общество «Труд». Мест для проведения занятий не было, инвентаря также. Никого не интересовало, что я мастер спорта из Ленинграда. Оставалось ходить по заводам и собирать молодежь. Начал с завода «Самоходных комбайнов», затем обратился на завод «Медпрепаратов», что на правом берегу Енисея, посетил другие организации. Уже через месяц удалось организовать кросс: для мужчин на 10 километров, для женщин на 5 километров. Пятьдесят лучших мужчин взял на занятия, среди женщин отобрал двадцать человек. Договорился с председателем общества «Труд» о занятиях в помещении управления после работы. Алексей Антонович Кондратович предоставил свое помещение после 18 часов и обязал, чтобы после занятий столы были поставлены на прежние места.

После финиша с другом Н.В.Ухановым

Постепенно тренировочный процесс набрал обороты и пошел полным ходом. Вскоре директор завода «Самоходных комбайнов» Борис Николаевич Кобелев, видя, как идут занятия, поверил, что его рабочие могут добиться хороших спортивных результатов. Он перевел на счет спортивного общества «Труд» деньги на приобретение ста гоночных велосипедов и пятидесяти велостанков, которые мы получили с Харьковского завода. Работа закипела, да так, что из зала мои подопечные выскакивали на мороз. А в те времена морозы в Красноярске достигали 50 градусов. Были дни и похолоднее. Нагружал их, как себя в недалеком прошлом, когда сам готовился к соревнованиям. В зале мужчины работали на велостанках до 1,5 часов, а женщины — до 40 минут.

Мало кто выдерживал такие нагрузки. Остались двадцать ребят и пятнадцать девчат, остальные отсеялись. Но этого было достаточно.

В июне 1960 года я поехал в Ленинград на многодневную гонку с восемью парнями. Самым успешным из них был 18-летний слесарь завода Георгий Селиванов: 50

километров он преодолевал за 1 час 15 минут. У Селиванова в Красноярске были жуткие бытовые условия, родители — хронические алкоголики.

Приехав в Ленинград, мы продолжили тренировки по трассе многодневной велогонки. Начались соревнования; мы решили, что первый этап велогонки нужно выигрывать.

Красноярск. Тренировки в спортивном обществе «Труд»

Георгию Селиванову. Я сопровождал его вместе с заместителем директора завода Федором Ивановичем Кустовым на гоночном мотоцикле с коляской, причем мотор был самой новейшей и дорогой конструкции. Федор Иванович сидел в коляске с бидоном какао и фруктами для питания гонщиков.

Тактика была выбрана несложная: постоянные отрывы от остальных гонщиков, в прошлом моих воспитанников. Олег Суриков, например, ныне заведующий кафедрой физики, профессор, наверное, и не помнит своего учителя! Близ Зеленогорска, они с Георгием Селивановым оторвались от группы, однако их быстро достали. Володя Бакланов, Володя Королев также сделали попытку уйти. Их тоже достали. Уже приближаясь к Выборгу, я предложил головной группе какао и фрукты. Виктор Егорович Романов и Павел Востриков согласились, и началось кормление. Всех беглецов достали, кроме Селиванова, о котором забыли. Он как бы затерялся, но так и было задумано. Меня спросили: «Где ваша тайга?» На это я ответил: «Зачем их кормить, если тайга неподготовленная!» Так и прошла байка. Когда до финиша оставалось 20 километров, мне главный судья Леонид Георгиевич Власов разрешил проехать вперед. Здесь, догнав Георгия Селиванова, я объяснил, что нужно сделать, чтобы изменить свою жизнь: финишировать первым. Георгий ответил, что идти не может, так как у него сводит мышцы. Я отдал ему булавку со словами: «Коли мышцы и финишируй».

Ленинградская многодневная гонка. 1960 г.

В Выборге объявили, что под номером 101 финишировал слесарь завода комбайнов Георгий Селиванов. Появилась и головная группа. Заслуженный мастер спорта СССР

Виктор Романов финишировал вторым, а заслуженный мастер спорта СССР Павел Востриков — третьим. Не скрою, что меня за такое «благодарили». Впрочем, обиды продолжались только один день. На следующее утро Георгий шел в головной группе, а когда Виктор Романов прокололся, красноярец тут же слез с велосипеда и отдал свою машину лидеру гонки. Конечно, машину Селиванову вскоре заменили, но ведь прошло время. В целом по всем этапам велогонки Георгий занял общее второе место. Володя Бакланов, Анатолий Муравьев, Валентин Беляев — все выполнили нормативы мастеров спорта. В Красноярск пошла телеграмма:

ДИРЕКТОРУ ЗАВОДА САМОХОДНЫХ КОМБАЙНОВ БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ КОБЕЛЕВУ: ЧЕТВЕРО ВАШИХ РАБОЧИХ СТАЛИ МАСТЕРАМИ ВЕЛОСИПЕДНОГО СПОРТА. СЕЛИВАНОВ ЗА ЭТАП ЛЕНИНГРАД — ВЫБОРГ УДОСТОЕН МЕДАЛИ ПОБЕДИТЕЛЯ.

По приезде в Красноярск, все гонщики были приняты секретарем Краевого комитета партии Василием Павловичем Павловым, которому я сразу же сказал: «Георгий Селиванов выиграл этап у членов сборной страны благодаря тому, что я пообещал ему от Вашего имени отдельную однокомнатную квартиру». Василий Павлович Павлов тут же позвонил по телефону. Через несколько минут Селиванову вручили ключи от новой квартиры на Красноярском проспекте. Это решение немало способствовало росту популярности велосипедного спорта...

В следующем, 1961 году результаты улучшились. Зимние тренировки в условиях открытого воздуха на местности и шоссе приобрели регулярный характер и получили статус спортивного метода.

Красноярские велосипедисты не только участвовали в Ленинградской многодневной гонке, где рождались новые имена мастеров спорта, но и делили первое-второе места с командой Москвы на первенстве страны в Нальчике. Велосипедный спорт заслуженно получил постоянную прописку в Красноярском крае. В 1962-1963 гг. мастера велосипедного спорта Целинного края приезжали в Красноярск и здесь, в Сибири, состязались в мастерстве достижения высоких скоростей.

Наиболее яркие страницы моей жизни связаны с сибиряками, которые работали на красноярском заводе самоходных комбайнов: Георгий Селиванов, Владимир Бакланов, Валентин Горшков, Анатолий Муравьев, Галина Приленская, Владимир Белов, Виктор Филюшин, Николай Яценко и многие другие.

Именно в Красноярском крае мною была применена новая методика подготовки мастеров-гонщиков в зимних условиях. Тренировались по заснеженным трассам на велосипедах в любую морозную погоду. Следует отметить, что морозы в те годы достигали 50 градусов.

Честь и хвала директору завода Борису Николаевичу Кобелеву, который делал все возможное для поддержки массового велоспорта. Завод приобретал сотни велосипедов и всячески поощрял участников краевых и общесоюзных соревнований.

Итогом плодотворной работы стали победы в Нальчике, когда сборная команда Красноярска дважды побеждала Всесоюзные соревнования, оставляя позади команды Москвы и Ленинграда.

Следует отметить, что работу по спортивному совершенствованию молодежи, в 1960 году я решил совместить с совершенствованием знаний юридической стажировки в органах прокуратуры Сталинского района г. Красноярска.

В 1960 году меня приняли стажером в прокуратуру Сталинского района города Красноярска. В связи с успешным расследованием громких уголовных дел (два «глухих» убийства: дело Вrabиса и убийство 12-летней девочки) Генеральный прокурор СССР Руденко вызвал меня в Москву и сократил сроки стажировки, назначив следователем прокуратуры г. Красноярска.

На деле Вrabиса хочу остановиться подробнее. Некто Вrabис приехал из Молдавии к своей сожительнице и отмечал свой день рождения в ее квартире. Ближе к ночи гости разошлись. А на следующий день один из гостей Вrabиса, пожилой мужчина, умер у себя дома. Непосредственной причиной смерти стала травма головы, полученная накануне при невыясненных обстоятельствах. Жена погибшего заявила, что ночью, когда они возвращались домой, на мужа напали неизвестные хулиганы и нанесли несколько ударов по голове. В качестве подозреваемого был задержан вчерашний именинник. Я посетил его в следственном изоляторе и предложил написать явку с повинной. Вrabис вел себя нагло, нецензурно выражался в мой адрес. Когда же я собирался уходить, подозреваемый обратился с просьбой: «Попросите эту б..., мою сожительницу, принести приемник». На следующий день я вызвал сожительницу Вrabиса в следственный изолятор. Здесь же состоялась ее очная ставка с подозреваемым. «Мария Ивановна, — сказал я женщине, — Вrabис обратился ко мне с просьбой передать ему в камеру приемник, однако при этом он назвал вас б...». Свидетельница возмутилась и на одном дыхании, кипя от негодования, сообщила, как разворачивались события в действительности. Оказывается, когда гости находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, Вrabис уединился с женой погибшего за печкой и вступил с ней в интимные отношения. Когда муж темпераментной дамы попытался вмешаться, Вrabис нанес ему полной бутылкой с вином удар по голове. Жертва с трудом добралась домой. Утром несчастный скончался в собственной постели.

Я детально запротоколировал все сказанное. К сожалению, в дальнейшем женщина стала отказываться от своих показаний.

Спустя какое-то время ко мне обратился сын погибшего, Саша, который только что освободился из мест лишения свободы (он отсидел 10 лет за убийство). Его интересовали все обстоятельства гибели отца. Я подробно

изложил ему все обстоятельства дела, выразив при этом сожаление, что мачеха Саши, из-за которой погиб его отец, отказывается сотрудничать со следствием, давать правдивые показания. Бывший зек понимающе кивнул и ушел домой. На следующий день жена погибшего подробнейшим образом изобличила Вrabиса. Преступник получил десять лет колонии строгого режима.

Впрочем, были и проблемы, и столкновения с различного рода карьеристами и делягами. В ноябре 1960 года я выступил на Всесоюзном совещании в Колонном зале Дома союзов и в жесткой форме раскритиковал популистскую, бездарную деятельность председателя спортивного комитета РСФСР Константина Крупина за то, что он практически не поддерживал развитие спорта в новостройках сибирских городов.

На следующий день он вызвал меня к себе и в присутствии гостренера, заслуженного мастера спорта по конькобежному спорту Марии Исаковой с наглой улыбкой разорвал представление на присуждение Н. Ф. Бабанцеву звания заслуженного тренера РСФСР. В Красноярске у меня состоялась беседа с первым секретарем крайкома КПСС Владимиром Ивановичем Долгих (он и сегодня здравствует), который сказал следующее: «Не уезжай из края! Готовь и дальше гонщиков, а если они выиграют первенство страны, ты получишь награду выше той, которой

незаслуженно тебя лишил Константин Васильевич Крупин».

После победы красноярцев на первенстве страны в Нальчике в 1961 году пришла Правительственная телеграмма о присвоении мне звания заслуженного тренера СССР.

В 1963 году меня назначили главным судьей первенства России в Чите.

На соревнования была приглашена государственный тренер, неоднократная чемпионка Мира по конькобежному спорту Мария Исакова.

Заранее были приобретены призы победителям соревнований и подарки почетным гостям. Самым изысканным подарком, выполненным из бронзы конькобежца в беге на повороте, высотой более метра заранее выбрала для себя Мария Исакова. После окончания соревнований были вручены призы и медали победителям. После согласования с генерал-лейтенантом Ждановым, самый дорогостоящий подарок, я решил вручить 60-летнему дальневосточнику не за

результат, а за долголетие в спорте. Реакция Исаковой на такое вручение закончилась истерикой.

Уже в 1963 году я осуществлял общий надзор за расследованием уголовных дел, являясь прокурором следственного отдела Прокуратуры Красноярского края. Нередко приходилось непосредственно сталкиваться с уличной преступностью, однако всегда выручали спортивная подготовка и природная смелость.

Как-то со своим приятелем, мастером спорта по боксу Анатолием Кишиневским, я выходил из ресторана гостиницы «Енисей» и случайно задел плечом неизвестного парня. Конечно же, мы извинились, но парень огрызнулся и, угрожая физической расправой, потребовал, чтобы мы вышли во внутренний двор, к помойке. Меня ничего не беспокоило, тем более что рядом находился председатель спортивного комитета города мастер спорта А. Кишиневский. Вышли во двор. Явно чувствовалась агрессия, исходящая от незнакомца. Работая на опережение, из задней позиции, я ударил парня, который тут же выронил финский нож и рухнул на снег. Осмотрелся, а боксера Анатолия уже и след простыл! Лишь на снегу сиротливо лежала его норковая папаха.

Утром я рассказал о происшедшем в горкоме партии Николаю Валову. Там же оставил головной убор мастера спорта. Так все узнали истинную цену Кишиневскому. Разумеется, Анатолия освободили от должности, а вскоре выяснилось, что и значок он носил чужой, просто так, для солидности, пользуясь поддельными документами.

Муслим Магомаев

В Красноярске мне пришлось заниматься расследованием кражи денежных средств у легендарного певца Муслима Магомаева. История произошла в гостинице «Огни Енисея», в которой он остановился во время гастролей. Кражу быстро раскрыли, а мне посчастливилось познакомиться и пообщаться с известным и всенародно любимым певцом-композитором.

В период освоения Целинных земель, генеральный прокурор

Советского Союза Роман Андреевич Руденко, бывший Государственный обвинитель на Нюрнбергском процессе, перевел меня из прокуратуры Красноярского края, где я работал, осуществляя надзор за рассмотрением уголовных дел в судах, в прокуратуру Целинного края Казахстана по надзору за следствием в правоохранительных органах.

Не ставя задачи ответить на все накопившиеся вопросы, хочу лишь поделиться личными воспоминаниями и некоторыми суждениями, навеянными сравнением дней нынешних и дней минувших. Кто кого находит: история личность или личность историю? Я много размышлял и писал о таких несхожих и противоречивых политических фигурах XX века, как Ленин и Сталин, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин... Но до сих пор не могу однозначно ответить самому себе на этот вопрос.

Хрущевский период — один из бесспорно важных и, быть может, самых непростых периодов нашей истории. Важных — потому что непосредственно перекликается с проблемами современной России, с нынешним процессом демократизации общества. Непростых — потому что касается десятилетия, которое поначалу называлось «славным», а потом было осуждено как период волюнтаризма и субъективизма. В то время состоялись XX и XXI съезды партии, ставшие отражением острых политических битв, определивших новый курс страны. Так в чем же сложность и противоречивость личности, с которой мы связываем один из переломных моментов современной истории?..

Мои знакомые высказывали диаметрально противоположные оценки Сталина: кто-то его боготворил, а кто-то люто ненавидел. Здесь важно подчеркнуть самое главное. В период руководства страной И. В. Сталиным практически во всех странах Мира «процветали» авторитарные режимы. К примеру, в США до 1947 года убийство чернокожего относилось к разряду «детских забав». Стоит вспомнить, что первыми «испытали» атомное оружие по массовому уничтожению мирного населения представители, так называемого, демократического государства, а их планы по атомной бомбардировке советских городов были на стадии завершения. Недобросовестные историки, я их называю «валютными», умалчивают факт того, что только огромные усилия советских атомщиков остановили глобальную катастрофу человечества.

К Хрущеву же отношение было в значительной степени негативным, хотя никто не отрицал его заслуги в реабилитации невинно осужденных и ликвидации системы ГУЛАГа. При этом существует масса исторических доказательств, в которых Н.С. Хрущев лично выступал инициатором массовых репрессий, в том числе и украинского народа. Мой близкий друг Михаил Максимович Вершинин написал прекрасное стихотворение (которое ранее нигде не печаталось), отражающее и мое отношение к той эпохе.

Наследники Сталина

Да, мы его наследники по праву,
Его Эпохи трудной и крутой.
Стяжали мы невиданную Славу
В эпохе удивительнейшей той,
Покончив с беспримерной нищетой.
Да, это знает поколение старших,
Как Троцкий, совращая молодежь,
Сбивая молодежь на марше,
Внушал ей антисталинскую ложь.
И год, и два, и три, и пять, и восемь
Шел бой в пути за сталинскую суть.
И если мы историю попросим,
Она нам приоткроет этот путь.
Раскроются троцкистские программы,
Озлобленный реванш,
Борьба за власть...
Остались для потомков стенограммы.
Прочтите их!
Не все,
Хотя бы часть.
Легко судить обиженным судьбою,
Легко рядить мещанам наших дней.
Всего трудней постичь суть боя:
Она творцам истории видней.
В ту пору и визжали, и брюзжали
Забывшие о долге пред страной.
Им нэповские брючки где-то жали,
Они еще тогда воображали,
Что может быть всеядным шар земной,
Что чернь должна по-прежнему трудиться,
А избранные жить особняком,
Неплохо б капиталу возродиться
С концессиями, с лавкой, с кулаком.
Лелеялось такое не тайком.
Но был на страже сталинских традиций
Рабочий с ограниченным пайком.
Он видел всё, он шел на все лишенья
В осуществленья сталинской мечты,
Созревшей для великого решенья,

Страну свою
Поднять из нищеты.
И долго будем помнить мы, мальчишки,
Век мужества, строительный азарт.
Капитализм не даст нам передышки,
Ведь мы в бессмертной битве авангард.
«Скорей, скорей, равны столетьям годы
—
Так Сталин говорил в канун войны. —
Пусть возникают новые заводы,
Не за горами грозные походы:
Две пятилетки минимум нужны».
Роллан и Франс, Барбюс, Тагор и Шоу,
Фейхтвангер, Никсе, Драйзер,
Келлерман,
Страну Советов знали хорошо вы,
Шли с нами рядом в грозы и в туман.
И знали вы и верили всем сердцем,
Что к цели человечества дойдем.
И каждый был для нас единоверцем
В том Сталинском пути.
Эпоха не бывает безымянной,
Подъемы в ней и спады таковы,
Что в ярости стихии ураганной
И мыши поднимаются, и львы.
И мыши издеваются над львами,
Когда лежат усопшие они,
Поносят их мышинными словами,
Трусливыми и мелкими, как сами.
Но мертвый лев сильнее той возни.
В нем сердце льва бесстрашно клокотало,
В трагической и доблестной душе.
Им сделано в истории немало
Из самого добротного металла,
Из стали, а не из папье-маше.
Творец эпохи, полной испытаний,
Он был понятен и необъясним.
Фундамент мы закладывали с ним.
Он тридцать лет нас бодро вел в огне
баталий,

*«... Только Господь Бог помог
наказать виновного!»*

Сафонова С.Н.

На страницах современных СМИ стало модным обсуждение темы сталинского режима. Расскажу один эпизод, который для исследователей данного периода нашей истории будет не только интересным, но и полезным.

Родная сестра моей матери, Софья Николаевна, работая главным юрисконсультком на Путиловском заводе, связала свою судьбу с Сафоновым Григорием Николаевичем, который возглавлял управление юстиции в Ленинграде. Семейная жизнь не сложилась, и они оформили развод. Во время войны Сафонов Г.Н. возглавлял генеральную прокуратуру СССР. Испытывая блокадные трудности, Софья Николаевна отправила на имя Сталина письмо, которые во время войны называли белыми треугольниками.

В письме Софьи Николаевны написала, что Сафонов Г.Н. уклоняется от уплаты алиментов для воспитания дочери. Отправка письма с жалобой на Генерального прокурора страны была связана с большим риском. Все знают, что отправителей подобных писем ждал Магадан или Соловки.

Судя по последующим событиям, белый треугольник без марки “долетел” до Сталинского кабинета. Генеральный прокурор СССР был мгновенно отстранен от своих обязанностей, а Софья Николаевна получила крупное материальное вознаграждение.

В 1964 году, приезжая в Москву по вопросам Целинной краевой прокуратуры, я всегда звонил и по возможности встречался с поэтом Михаилом Максимовичем Вершининым, прославленным воином, который с 1941 по 1944 год возглавлял интернациональный отряд партизан. Как известно, он лично спас семью генерала Свободы, за что тот снял с себя бриллиантовый орден и вручил

советскому герою. К сожалению, Вершинин был в дальнейшем репрессирован, якобы за покушение на жизнь товарища Сталина. Сидел в тюрьме, но не озлобился окончательно, а впоследствии имел встречи со Сталиным, Мао Цзэдуном. Это ему принадлежит песня «Москва—Пекин». В последние годы жизни М. Вершинин возглавлял альманах «Мужество», одним из создателей которого являлся.

Запомнились события, которые связаны с резкой критикой Н.С. Хрущевым отдельных деятелей культуры и искусства нашей страны. Среди них были выдающийся поэт современности Евгений Евтушенко и скульптор Эрнест Неизвестный. В этот период страна бурно обсуждала конфликт Генсека с Евтушенко.

Разгоряченный и полуграмотный Хрущев высказал поэту: «... Горбатого только могила исправит!»! Евгений Евтушенко напрямую тут же ответил Хрущеву: «... Кончилось то время, когда горбы исправляли могилы».

Дискуссия на эту тему на Целине приобрела особый характер. Известно, что Целина это детище Хрущева Н.С.

Некоторые подробности этого конфликта были освещены на краевом идеологическом активе секретарем ЦК КП Казахстана Д. Джандильдиным.

Всем, кто немного знаком с деятельностью партии, известна значимость и ответственность подобных мероприятий. В формировании этих активов всегда принимали участие сотрудники КГБ. К примеру, от краевой прокуратуры приглашен был только я.

На многочисленные вопросы, которые посыпались после выступления Д. Джандильдина, докладчик постарался уклониться и отвечал, что с линией партии по данному вопросу он согласен. По вопросу конфликта он ответил, что из выступления Хрущева он понял, что отношения Партии и деятелей искусства должны строиться на следующих принципах. Партия это генерал, а деятели искусства это полковники. На указания генерала полковники должны отвечать: – «Есть», а генерал приказывать: – «Кругом, шагом марш».

Подобное рассуждение Секретаря ЦК КП Казахстана по идеологии возмутила участников и меня в том числе.

Далее выступил с отчетом секретарь Целинного крайкома партии Сатар Имашев. Его выступление напоминало «перечень парадных лозунгов, образцовых свершений, высочайших показателей и патриотических начинаний». Многие из участников актива понимали фальшивость доклада, но только 22 участника демонстративно покинули зал заседания. Ведущий актива В.Я. Клейнгольд охарактеризовал их уход как форму «хулиганства». Все это только «подлило масла» в напряженность участников актива.

В этот момент председатель предоставил слово директору драматического театра Иванову для зачитания проекта решения о состоянии

идеологической работы с молодежью на Целинных землях, одобрения политики ЦК КПСС и доклада Н.С. Хрущева.

Будучи возмущенным лживостью доклада Сатара Имашева и содержанием проекта решения, я потребовал слова в порядке ведения собрания. Мне было известно, что реальная обстановка на Целине была крайне неблагоприятной. Процветало пьянство и воровство, а милицейские сводки свидетельствовали о разгуле преступности.

В ответ на мое требование из зала раздались голоса одобрения, и председатель собрания был вынужден разрешить мне выйти на трибуну.

В своем выступлении я высказался, что из зала ушли настоящие патриоты Целины, а многих из присутствующих здесь необходимо выгнать из зала и с Целины, т.к. большинство из них идеологические бандиты, проходимцы и лжепатриоты, приехавшие на Целину с корыстными целями. Перечисленный мною список (Хурин, Гольдберг, Глуховцев, Матонин и др.), состоящий из ответственных краевых сотрудников и мое пожелание для них: «Вон из зала» вызвали аплодисменты зала. Под их звуки я покинул трибуну.

Из президиума слышались возгласы, что такого прокурора необходимо не только гнать из прокуратуры, но и исключить из партии, и председатель потребовал от меня вернуться на трибуну и принести публичные извинения.

Вернувшись на трибуну, я сказал, что не собираюсь извиняться перед идеологическими бандитами.

Собравшиеся уже не реагировал на призывы членов президиума, все встали и покинули зал. Так было сорвано обращение, которое планировалось принять активом в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС. Меня же ждали трудные времена. Критика ответственных функционеров партии не всегда полезна для здоровья и карьеры.

Утром в газетах края (кроме газеты «Молодой целинник», где главным редактором работал мой ученик по велосипедному спорту Владимир Червяков) вышли мерзкие, предательские выступления, гнусные клеветнические статейки с требованиями моего увольнения из органов прокуратуры, исключения из партии и даже снятия звания заслуженного тренера страны и мастера спорта.

Я вынужден был срочно вылететь в Москву, в ЦК КПСС и Генеральную прокуратуру.

Вернувшись в Целиноград, я узнал, что уволить из органов меня не посмели, так как заместитель генерального прокурора страны И. И. Панкратов признал мое выступление и поведение правильным, тем более что я в подтверждение своих слов просил соединиться с Василием Тарасовичем Шевченко, генерал-полковником, начальником КГБ по Целинному краю (он обладал полной информацией о царившем здесь беспределе).

Работа в краевой прокуратуре захлестывала. Здесь я основательно погрузился в изучение уголовного дела, которое рассматривал Верховный суд Казахстана, по обвинению значительной группы торговых работников

(включая не только директоров тридцати магазинов, директоров баз, но и начальника управления торговли города Целинограда некоего Китленко). В качестве свидетелей проходили секретари обкома партии Казахстана, которым не следовало участвовать в подписании актов на списание коньяка, водки, вин, фруктов и деликатесных продуктов, которые не доходили до населения, а списывались тоннами, якобы использованные на приемах космонавтов, важных государственных деятелей.

Не забыть, как при рассмотрении этого уголовного дела мною было заявлено ходатайство по необходимости вызова в суд первого секретаря Целиноградского областного комитета партии Казахстана в качестве свидетеля В. А. Михалченко.

Председатель Верховного суда Казахстана, который возглавлял слушание дела, чуть ли не извинялся перед Михалченко за то, что вызвал его в суд по ходатайству краевого прокурора Бабанцева. Мне первому было предоставлено право задавать вопросы. Первый вопрос касался об обстоятельствах и причинах им утверждения актов о списании ликеро-водочной и деликатесной продукции на миллионы государственных средств. По моему мнению, это не входило в обязанности первого секретаря. Михалченко ответил, что это не Ваше дело. Я обратил внимание Верховного Суда, что предполагаю, что свидетель не мог так действовать и вероятнее всего, акты составлены и подписаны высокопоставленными работниками торговли и следует в судебном порядке проверить достоверность их подписей. В ответ на это Михалченко подтвердил подлинность всех подписей.

После его ответов мною было заявлено ходатайство о необходимости вынесения частного определения в адрес Краевого комитета КП Казахстана об отстранении Михалченко от должности на период проведения следственных мероприятий. В качестве аргументов для суда мною были озвучены обстоятельства дела Ломтатидзе, которого приговорили к смертной казни за более мелкие хищения. При этом отметил, что не стоит уважительно относиться к свидетелю, т.к. его место в тюрьме. Суд не отреагировал на мое заявление и в ходатайстве отказал.

Как известно, по приговору суда Ломтатидзе расстреляли, а Михалченко даже не отстранили от должности.

В дальнейшем, когда возникла необходимость отъезда с Целины и снятия с партийного учета, мне предстояла встреча с Михалченко. При встрече он сказал мне, что отпустит меня только в тюрьму.

На что я ответил ему, что время покажет, кто из нас первым сядет за решетку. Вот настоящее лицо власти, которое существовало в тот период.

Мир не без добрых людей. С учета меня сняли, и я вернулся в Ленинград. Позднее стало известно, что следом была отправлена и «толстая» папка с компроматом и пасквилями на меня. Это была «благодарность» за подготовленных мною 20 мастеров спорта в совхозе «Октябрь» и работу в прокуратуре.

Широкий резонанс на общесоюзном уровне получило дело о пожаре в Кустанайском совхозе. Я руководил следственной бригадой, которую направили в Кустанай расследовать дело о пожаре, в результате которого погибли сотни голов крупного рогатого скота. Первоначальное расследование (проводившееся за год до указанных событий) пришло к заключению, что виной всему неисправная электрическая проводка. Однако ни первый секретарь крайкома, ни прокуратура не поверили этой версии. Суровой зимой нас везли из Кустанаея в маленький поселок на гусеничной танкетке несколько часов по полному бездорожью. Сугробы, пурга, темень. Хоть глаз выколи... Наконец прибыли на место. В доме главного бухгалтера руководство совхоза организовало роскошный стол, который ломился от выпивки и закусок, не было разве что птичьего молока. Прибывшие со мной полковники ОБХСС и КГБ набросились на дармовщину. Я же презрительно посмотрел на них и демонстративно удалился на квартиру скромного и кристально честного оперуполномоченного. Разве можно вечером с людьми пить, а утром их арестовывать!

Вскоре мной лично было установлено, что директор машинного двора Герой Социалистического Труда Рудской и директор того же совхоза Тулупов в четыре часа ночи подожгли помещения и уничтожили находившийся в них скот. Животным грозила голодная смерть. Поэтому, хитроумные руководители решили заживо сжечь скот. Мерзавцы дали признательные показания, но их неожиданно взял под свою защиту зять Хрущева Аджубей, редактор «Известий». Вскоре в дело нагло и безапелляционно ввязался сам Хрущев.

Уголовное дело замяли, на нашей репутации партийные проститутки поставили темное пятно, исключили из партии. Рудской — вор, преступник, живодер, был объявлен немеркнущим маяком коммунизма в сельском хозяйстве Казахстана.

Вторично я был в Кустанае, когда поддерживал обвинение по большой группе лиц, совершивших мошеннические действия и крупные хищения автопокрышек для грузовых автомашин. Указанное уголовное дело продолжалось более двух месяцев, в связи с тем, что в начале при его рассмотрении мною было заявлено ходатайство о направлении уголовного дела на доследование, т.к. подсудимые в процессе следствия давали показания о значительно больших хищениях, что им вменялось. Вторичное рассмотрение этого уголовного дела мне не забыть, когда подсудимый Гесс в последнем слове краевому суду заявил, что теперь только он понял, что чистосердечное признание увеличивает сроки наказания. Ясно, что Целина по указанию Хрущева снабжалась по «красной строке», т.е. по первоочередному плану. На Украине и в Белоруссии не было возможности приобретать для грузового автотранспорта этот дефицитный товар. По этой причине техника часто простаивала. Преступная группа состояла из шоферов и перекупщиков. Затем, купленная резина оформлялась по поддельным документам из магазинов. Бесспорно, экспедиторы из Украины и Белоруссии были привлечены вместе с водителями, как совершившие преступления. Не все подсудимые были

арестованы. Часть их имела подписку о невыезде. Процесс длился более месяца. Мне было неприятно ужинать в ресторане гостиницы, в которой я проживал и встречаться с подсудимыми и приехавшими свидетелями. Поэтому я решил обедать и ужинать в аэропорту.

Однажды, придя в ресторан аэропорта, сел за стол у входа и заказал скромный ужин. Осмотревшись в зале, увидел большой стол с посетителями в дорогих костюмах и большими правительственными наградами. В конце на председательском месте я увидел своего знакомого – генерал-лейтенанта Антонова, мастера спорта, ученика знаменитого скорохода Ивана Аниканова.

Николай был обрадован нашей встрече в глубинке. Я поинтересовался о важных персонах и редких деликатесах на столе. Участвовавших в застолье было не меньше сорока человек. Николай меня посвятил, что все эти люди задержаны, и он поручению генерального прокурора сопровождает их Алма-Ату, где они будут арестованы. Бесспорно, я возмутился тем, что задержанные обеспечивают застолье из собственных средств. Но Николай мне ответил, что он не спешит в Алма-Ату и добавил, что из Литвы они уже едут более недели. Я поинтересовался о том, что совершили эти люди. Николай пояснил, что Литовцы и Латыши сдавали в государство многие тысячи тонн зерна, купленные на Целине.

В последующем на Целине шли уголовные дела по хищению зерна. Часть собранного урожая подлежала хранению в элеваторах, которая и распродавалась в другие республики, а в основном, собранный урожай собирался в стога, в которых подвергался гниению, а материалы, которые предназначались для строительства элеваторов тоже продавались.

После окончания зимы, когда шла подготовка к весеннему севу, раскрылись преступления из-за отсутствия зерна на посевную.

Преступность процветала. Вспоминается ректор Медицинского университета, который оказался особо опасным рецидивистом, прибывшим на Целину по поддельным документам.

В другом уголовном процессе, в котором обвинялся начальник главного управления торговли города, а прокурор Казахстана Кудрявцев гарантировал ему 5 лет условно, по моему требованию был взят под стражу в зале суда и подвергнут наказанию в виде 8 лет лишения свободы.

Таким образом, работа была не из легких. Часто приходилось получать и записки с угрозами о расправе. Был случай, когда подсудимый по расстрельному делу, перепрыгнув через решетку пытался наброситься на меня с ножом. Только благодаря автоматчику, который стоял за моей спиной, удалось предотвратить нападение.

У меня было 6 областей по надзору за следственной работой. В поле моего зрения часто попадали высокопоставленные административные и партийные чиновники. Многие из них приезжали на Целину по поддельным документам. В то время отсутствовали оперативные средства для проверки документов, и это создавало много проблем по раскрытию преступлений.

Преступный мир быстро находил контакты с административными органами. Благо, денежных средств у них хватало. Мои проверки Целиноградского городского и областного, а также Краевого следственного управления заканчивались вызовом меня в городские и областные комитеты партии. Вместо поддержки, указанные органы требовали от меня доказательств подлинности моих документов об образовании и других званий.

Предъявлялись претензии по хищению мною государственных средств. Мою тренерскую работу в спортивном обществе и получаемую за это мизерную зарплату пытались квалифицировать как хищение. Мои объяснения о том, что подготовлено 20 мастеров спорта не сыграли роли, и дело было передано в прокуратуру для возбуждения уголовного дела.

Однажды меня пытались при задержании пьяного водителя уличить в нарушении правил дорожного движения. В тот день мы возвращались домой с Виктором Якобсоном очень поздно. Внезапно мимо нас на большой скорости пролетел грузовик и врезался в скамейки автобусной остановки. Подойдя к машине, мы убедились, что водитель находится в пьяном состоянии и лежал уткнувшись в руль. Я откину пьяницу в сторону сел за руль, а Виктор сел справа и мы втроем поехали к дому, где жили дружинники. Подъехав к дому, я попросил Виктора сторожить водителя и пошел за дружинниками. Вернувшись, я увидел, что Якобсон валяется на дороге, а машины с водителем и след простыл. Оказалось, что водитель ударил Виктора, выкинул его из кабины и уехал. Самое неприятное было в том, что в кабине осталась папка с моими документами. С большим трудом нашли другую машину и буквально до утра разыскивали по соседним поселкам пьяного дебошира. Поиски увенчались успехом. Обнаружили машину, а самое главное папку с документами. В итоге мне предъявили претензии, которые касались «грубых нарушений правил дорожного движения» и недопустимости езды на грузовой машине с двумя пассажирами.

В таких случаях я старался не прислуживаться, в частности, и потому, что мои друзья в Москве всегда гарантировали принятие меня на должность 2-го тренера работы со сборной командой страны. Знакомые шутили: утром прокурор, а вечером тренер по велоспорту. Спорт помогал мне сбрасывать напряжение и концентрировать свою волю в борьбе с коррупцией и нарушителями закона.

Руководители из Москвы, которые приезжали на Целину всего на несколько дней, чуть ли не на вокзале или аэродроме получали награды за освоение целинных земель. Я же за свою принципиальность и трудовой вклад никогда не был отмечен правительственными наградами, хотя проработал в тяжелейших условиях несколько лет.

Ответ простой. Приведу лишь один пример: Мне было поручено ведение уголовного дела в отношении племянника второго секретаря Целиноградского Обкома Компартии Казахстана – Исмагомбетовой Маговьи Сеиловны. Ее родственник совершил убийство на танцевальной площадке в городском парке

культуры и отдыха. В Верховном суде Казахстана я требовал в соответствии с законом применение к преступнику за содеянное высшую меру наказания – расстрел. Согласно приговору суда его расстреляли. Мне было известно, что из всех представлений к Правительственным наградам за достижения в подготовке мастеров спорта на Целинных землях Исмагомбетова мою фамилию вычеркивала.

Невзирая на занятость в прокуратуре, я трижды в неделю ездил на камазах, которые возили грузы из города, в совхоз «Октябрь», что в 40 километрах от Целинограда. Его возглавлял чудесный человек, фанатик спорта Николай Титович Петухов. Он способствовал созданию базы конькобежного и велосипедного спорта в своем совхозе.

В. И. Яковсон

Только благодаря усилиям Петухова в совхозе появились первые в крае мастера спорта, в основном немцы и татары. До сих пор с огромной любовью вспоминаю Михаила Мосиенко, Михаила Ильянова, Руфката Хакимова, Рудольфа Нейланда. На Целине применялась новая, исключительно эффективная, не имеющая аналогов в мировом спорте методика тренировок, которая прошла проверку в Красноярске. Она включала в себя зимнюю езду по шоссе, бег по глубокому снегу, занятия на тренажерах, комплекс физических упражнений на открытом воздухе. Конечно, методика была очень сложной, я обрисовал ее лишь в общих чертах. О спорте я могу говорить бесконечно, но вернемся к моей прокурорской деятельности.

Как-то раз, выступая в качестве обвинителя по громкому хозяйственному делу, я получил записку от конвоиров: «Прокурор, если попросите Леонтьеву расстрел, будете убиты». А тут еще появился Виктор Иванович Яковсон, приехавший на Целину вслед за Ольгой Давыдовной Андреевой, которая выступила с воззванием на всю страну: «Нас ждут на Целине». Ольга Андреева стала создавать из покорителей целинных земель молодежный ансамбль песни и танца «Целинник».

Виктор Иванович Яковсон был чемпионом СССР и Европы по скоростному бегу на коньках. Очень честный и смелый фронтовик. Когда Сергей Минович Киров предложил ему, после его спортивных побед, въехать из коммунальной квартиры в отдельную (кстати, у Яковсона была большая семья: трое детей), Яковсон отказался, мотивируя тем, что у других положение еще хуже, чем у него.

В этот сложный момент Виктор Иванович просил меня прервать работу Верховного суда республики и съездить с ним на партийно-хозяйственный актив, где докладчик, председатель спорткомитета из Алма-Аты, назвал его

проходимцем и мошенником за то, что Якобсон работает в трех местах, халтурит и добивается только получения больших доходов и высокой пенсии. Конечно, отказать своему другу в выезде на актив я не мог.

По прибытии я попросил слово и поднялся на трибуну. Виктор Иванович Якобсон был оценен мною как истинный патриот, а докладчика, который абсолютно не знал Якобсона, я охарактеризовал как некомпетентного и случайного человека в спортивном руководстве Казахстана.

После выступления я уехал в суд, продолжив свою прокурорскую деятельность.

Утром в газете «Целинный край» я прочитал, что теперь уже весь партийно-хозяйственный актив не только высказывался о снятии званий, но и требовал немедленного изгнания меня как из спорта, так и из органов прокуратуры. Я же, узнав, где руководители краевого актива организовали очередную пьянку (а это происходило на квартире моего друга Розы Шариповны Есельбаевой, председателя спортивного общества «Кайрат»), приехал туда в четыре часа утра с двумя дежурными милицейскими машинами. Дождавшись, когда «активисты», исполнив песню «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночь темная была», вышли на улицу, приказал милиционерам посадить всех в спецтранспорт и везти в медвытрезвитель.

Доехали до медвытрезвителя. Сотрудники выводили всех по одному, я их бил для отрезвления, а последнего, секретаря ЦК Казахстана, который пытался убежать, догнал и нанес удар ниже спины, достойный хорошего велосипедиста. С моей ноги даже слетел ботинок, и какое-то время я по инерции бежал по снегу босиком. Через несколько часов меня вызвали не в прокуратуру, а в краевой комитет партии, где собрались с заявлениями пострадавшие от моих действий участники актива.

Конечно, я не отрицал содеянного, но убеждал членов комиссии, что мерзавцы получили недостаточно. Кстати, у собравшихся с заявлениями вид был жалкий, у большинства разбиты лица.

Через несколько месяцев меня пригласили на бюро городского комитета партии, которое проводил первый секретарь Володар Яковлевич Клейнгольд.

С Клейнгольдом у меня отношения были сложные, т.к. на идеологическом активе я его характеризовал как лжепатриота Целины.

Клейнгольд зачитал обвинение, в котором был поставлен вопрос об исключении меня из партии. Правда, об активе, как и об избивении его участников, не было сказано ни слова.

Вскоре я был приглашен на бюро краевого комитета КП Казахстана. Его вел первый секретарь, Герой Социалистического Труда Федор Степанович Коломеец, бывший министр Правительства Советского Союза. До того, как вызвали меня, каждые 2-3 минуты не выходили, а выскакивали проходимцы, исключенные из рядов партии.

Наконец вызвали меня. Когда председатель зачитал обвинение под номером 48, я осмотрел лица присутствующих и понял, что лишь Коломеец имеет совесть. Среди обвинений фигурировали: антиобщественное поведение на активах, избиение мастера спорта Симоняна и, конечно же, уклонение от алиментов. На 50-м пункте Коломеец остановил докладчика, сказав, что пунктов обвинения более чем достаточно. Далее обратился к Председателю КГБ Василию Тарасовичу Шевченко с просьбой подтвердить факт избиения Бабанцевым тренера Симоняна. Шевченко подтвердил, что против Симоняна возбуждено уголовное дело по развращению девочек-школьниц.

Бюро Крайкома указало Клейнгольду на плохую работу с молодыми коммунистами, а мне пожелали оставаться таким же принципиальным прокурором, тренером и человеком с большой буквы.

Я поблагодарил за высокую оценку моей деятельности и поспешил скорее покинуть зал, пока они не изменили своего решения.

Вспоминая работу на Целине, нельзя не отметить заслуги первого секретаря ЦК КП Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева — выдающегося ученого с мировым именем, талантливого организатора, истинно народного руководителя. Позднее, спустя долгие годы, став известным адвокатом, я вновь встретился с Кунаевым.

Д. А. Кунаев и Н. Ф. Бабанцев

В 1991 году я узнал, что Д. А. Кунаев подвергнут гонениям со стороны «Меченого», как в народе именовали Горбачева. Я вылетел в Алма-Ату. В редакции «Вечерняя Алма-Ата» у меня взяли интервью, в котором я высказал свое возмущение и конструктивную критику в адрес Горбачева, отдавшего распоряжение тогдашнему секретарю ЦК КП Казахстана Колбину начать травлю Кунаева. Далее события в республике приняли крайне опасный и драматический оборот: по распоряжению Горбачева внутренние войска саперными лопатками калечили и убивали молодых демонстрантов-казахов. Моя статья о необходимости возбуждения уголовного дела в отношении преступников так и не была опубликована. А жаль. Только в 2007 году 11 января мне прислали газету, где была помещена моя фотография с Д. А. Кунаевым с заголовком: «Я прилетел защитить Кунаева» и подзаголовком: «Он

был практически единственным адвокатом Динмухамеда Ахмедовича в 1991 году».

Всего мне посчастливилось встречаться с аксакалом советской политики, общественным и государственным деятелем Д. А. Кунаевым трижды.

Первый раз это было в 60-е годы. Встреча произошла после концерта с участием О. Д. Андреевой. Нам удалось пообщаться с Кунаевым благодаря Магде Кощановичу Маубееву, известному в годы Великой Отечественной войны разведчику, работавшему в те годы заведующим общим отделом Целинного областного комитета партии Казахстана. Я помню, как Д. А. Кунаев высказал Ольге Давыдовне восхищение ее деятельностью, назвав ее подлинной народной артисткой Казахстана.

Второй раз встреча с Д. А. Кунаевым состоялась в Алма-Ате, когда он возглавлял Коммунистическую партию Казахстана. Тогда я прилетел из Ленинграда ради Героя Социалистического Труда, первоцелинника Леонида Михайловича Картаузова, который в боях за Ленинград подорвался на минах, будучи еще подростком, и потерял ноги.

Управляя комбайном на протезах, Леонид Михайлович показывал высокие трудовые результаты, но не смог добиться получения персональной пенсии у первого секретаря Целинного городского комитета КП Казахстана Володара Янкелевича Клейнгольда.

Заслуги героев-ленинградцев изложены в книге Л. И. Брежнева «Целина», где Леонид Михайлович Картаузов и Иван Иванович Иванов подробно рассказывают о своей жизни.

Итак, при входе в кабинет Д. А. Кунаева нас встретил Василий Тарасович Шевченко, бывший Председатель Комитета государственной безопасности по Целинному краю и прославленный генерал, который знал меня по прокурорской деятельности.

Состоялась плодотворная беседа, в ходе которой я решил ряд важнейших вопросов. Необходимо отметить, что Д. А. Кунаев дал указание назначить персональную пенсию Леониду Картаузову. Я же в свою очередь вручил ему восемь грампластинок со старинными русскими романсами в исполнении Ольги Давыдовны.

Третья встреча состоялась в 1991 году, когда я узнал, что Д. А. Кунаева подвергли домашнему аресту, а его соратники отправлены по лагерям.

Встретиться с Д. А. Кунаевым удалось благодаря Сагдату Адилбекову. Я был восхищен талантом и смелостью казахского журналиста, который внимательно прочитал мой материал и заверил, что эти строки увидят свет.

Встреча состоялась в кабинете Кунаева, который напоминал библиотеку ученого, а душевность его хозяина располагала к беседе. У Динмухамеда Ахметовича был очень усталый вид, но высокий рост и редкая внешняя красота отгоняли мысли о солидном возрасте этого человека. В кабинете я обратил внимание на портрет красивой женщины, его супруги Зухры Шариповны.

Во время нашей беседы Динмухамед Ахметович рассказал мне о своей дружбе Л. И. Брежневым и его реальной помощи в строительстве жилья на целинных землях, которое возводилось ударными темпами. Динмухамед Ахметович высказал мне и личную оценку деятельности М. С. Горбачева, назвав его главным предателем дела социалистического строительства, и в качестве примера привел факт высказывания турецким журналистам, в котором Горбачев озвучил свою ненависть к идеям Коммунизма. Динмухамед Ахметович при этом отметил, что основными качествами Горбачева М.С. были глупость и злопамятность, а в подчиненных он особенно ценил подхалимство и угодничество. Эти качества, по мнению Кунаева, стали основной причиной назначения Шеварнадзе Э.А. на пост министра иностранных дел, который с трудом владел грузинским языком, а русским на два с минусом.

В то время Михаил Сергеевич Гобачев в свой аппарат на должность общим отделом ЦК КПСС принял Секретаря Целиноградского обкома партии, Героя Социалистического труда Николая Ефимовича. Эта должность позволила ему быстро обогатиться и обзавестись даже личной яхтой, но праздник жизни закончился быстро. Его выкинули из собственной квартиры с 8 этажа. Горбачев тщательно заметал следы.

Откровенная и искренняя беседа с Кунаевым надолго осталась в моей памяти.

Кунаев Динмухамед Ахметович пользовался огромным уважением и любовью собственного народа. Эту любовь он заслужил своим безупречным служением Отчизне.

Нельзя не отметить и Льва Петровича Баранова, ставшего прокурором края, а в последующем — генерал-лейтенантом, заместителем Генерального прокурора страны, главным прокурором Москвы.

Стоял вопрос о передаче моей двухкомнатной квартиры начальнику следственного отдела Иванову, которого я ненавидел, потому что он по своей инициативе регулярно отмечал сотрудников, опоздавших на 2-3 минуты. Я хотел наказать этого карьериста. Краевой комитет требовал передать квартиру И. И. Иванову, но Лев Петрович помог мне прописать на указанную жилплощадь бухгалтера прокуратуры с тремя больными детьми и незаслуженно уволенным из органов мужем. Обездоленный супруг бухгалтера вырубил во входных дверях отверстие и выставлял ружье при приближении членов комиссии по выселению.

В канун отъезда моя автомашина «Победа» попала в серьезное ДТП и не подлежала ремонту. Мастер автосервиса подготовил автомобиль к поездке в Ленинград, но не успел ее передать в мои руки: «Победа» не уступила место гигантскому лесовозу. Суд присудил виновного к взысканию 1500 руб. В это же время у меня возникла срочная необходимость посетить Москву, но денег не было. Я обратился на автобазу, где работал ответчик, отказался от указанной

суммы и попросил выплатить мне 150 рублей. Меня посчитали ненормальным, однако вскоре моя прозорливость всех восхитила: приехав из Москвы, я узнал, что ответчик скрылся, будучи неоднократно судимым прохвостом. Руководство все же предложило мне заменить пострадавшую «Победу» на другую хорошую машину. Но я отказался. Взял лишь свой двигатель, а остальное сдал в утильсырье.

В Ленинграде Иван Алексеевич Иванов, заведующий административными органами, рекомендовал меня прокурору города А. Соловьеву на должность заместителя по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах. Однако был получен отказ. Соловьев мотивировал его тем, что я часто буду отлучаться на спортивные состязания.

Так я и пошел работать в прокуратуру Кировского района города Ленинграда. Вдруг — ночной звонок из Целинограда. Звонил Лев Петрович и спрашивал, почему я произвел незаконный обмен автомобилей (своей разбитой «Победы» на новую машину с государственной автобазы). Я заявил, что это ложь и совесть моя чиста. Оказалось, что меня пытался оболгать некто Куба, заведующий автобазой, дешевый аферист. Спустя два дня Куба признался, что пытался списать на меня свои грехи, так как поверил слухам о смерти Н. Ф. Бабанцева в городе на Неве.

Огромную помощь, профессиональную и чисто человеческую, мне оказывал комиссар милиции Александр Иванович Соколов, который ненавидел взяточников и проходимцев в погонах. Он очень любил спорт, и, когда я исполнял обязанности главного судьи в первенстве СССР по скоростному бегу на коньках и на международных встречах, он выдал мне пропуск на передвижение по городу без права проверки со стороны ГАИ на автомобиле марки «Крайслер». Автомобиль подарил мне благороднейший человек, меценат Николай Николаевич Савинцев. О нем можно и нужно писать книги. Например, о том, как он содержал спортсменов, как воспитал ремесленника, Павла Вострякова, неоднократно чемпиона страны. Савинцев покупал спортсменам французские велосипеды. В общем, это был добрейшей души человек, каких в настоящее время и среди олигархов не найти.

О. Д. Андреева с друзьями и дочерью около «Крайслера».

Когда я оформлял подарок Савинцева, автомобиль «Крайслер», в ГАИ города, пришлось столкнуться с начальником ГАИ полковником Виктором Иосифовичем Сорокиным. Он стал вымогать у меня импортные фары в

количестве десяти штук. Конечно, нужно было бы снять и отдать фары, но, видя насквозь жалкого крохобора, я отказался, считая недостойным завязывать отношения с мошенником. Когда же Сорокин узнал, что я прокурор, он готов был всячески унижаться, даже мыть мою машину.

Впоследствии я встречал этого выжигу и плута в доме Исаака Эткинда и сына композитора Д. Шостаковича. Чуть позже в Городском суде его судили за взятки. Заместитель председателя Ленгорсуда, очень талантливая и высокообразованная женщина, Нина Исидоровна Исакова определила Сорокину 13 лет лишения свободы. Так в лагере он свою жизнь и закончил.

Если у меня находилось свободное время, я посещал концертный зал Ленинградской филармонии. Это вошло в традицию еще со студенческих лет. Когда директором Большого зала был назначен Вячеслав Николаевич Блиничкин, мой друг, я также не пропускал концерты симфонической музыки, особенно если дирижировал Евгений Мравинский. Это был музыкант от Бога, прославленный дирижер с мировым именем. К сожалению, случилось, что музыканты просили политического убежища в зарубежных странах, чем подводили весь коллектив. Евгений Александрович очень переживал, нервничал, не находил себе места, как мне рассказывал Славик Блиничкин, тем более что после поездок Мравинского вызывали в ЦК КПСС для беспардонной травли.

Неоднократно мне доводилось встречаться с руководителями идеологического отдела ЦК КПСС и отдела культуры. Конечно, впечатления от встреч были жалкими. Хотя я оправдывал низкое качество знаний и примитивизм идеологических работников, понимая, что на должности они поставлены благодаря родственным связям с главами правительственных структур. Однако это не относится к министру культуры Екатерине Алексеевне Фурцевой. Хотя она в прошлом и была ткачихой, но ее ораторские способности, общая культура, эрудиция производили выгодное впечатление.

Однажды, когда секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов был в Ленинграде, он, как говорил мне один из оркестрантов, посетил концерт Мравинского. После концерта состоялось обсуждение. Спросили мнение Михаила Андреевича. Он высказался кратко и сообщил, что ему симфонический концерт понравился. Однако у него возник вопрос к ударнику Петру Ивановичу Иванову: «Почему за весь концерт он по барабану ударил только два раза?» На это ударник ответил, что у него такая партия. Михаил Андреевич подумал и сказал: «Партия у нас одна, а стучать нужно чаще». И это не анекдот, а реальный случай.

Однако вернемся к моей службе в качестве прокурора Кировского района. Этот район был значительно больше некоторых мелких городов страны, и приходилось расследовать очень сложные уголовные дела.

Большие препятствия в работе создавало процветавшее тогда «телефонное право»: много было ходатаев, опекунов, жуликов, шарлатанов, продажных чиновников, авантюристов, для которых честь, достоинство и

принципиальность были пустыми словами. В Сибири и на целинных землях круговая порука значила намного меньше.

П. П. Можаяев, будучи первым секретарем РК КПСС, часто обращался ко мне для решения различных служебных вопросов, консультаций. В очередной раз он пригласил меня, когда из спорткомитета СССР поступило ходатайство о необходимости улучшения моих жилищных условий.

Можаяев предложил мне две однокомнатные квартиры взамен имеющихся двух комнат размером 63 кв. метра в коммуналке, где проживали мои родители, мать и отчим, инвалиды Великой Отечественной войны. Взамен я обязан был на ближайшем судебном заседании по уголовному делу Родионова, главного бухгалтера Треста №20 ГлавЛенинградстроя, оказывать всяческое содействие подсудимому и не лишать его свободы.

Ознакомившись с материалами уголовного дела, я понял, что обвиняемый Родионов — отъявленный негодяй и подлец. Таким место только за решеткой. Злодей обвинялся в групповом хищении государственных денежных средств в особо крупных размерах. Родионову удалось (не бескорыстно) свалить всю вину на подельниц. В результате одна была арестована и находилась в женской тюрьме ИЗ 45/5, а вторая женщина, больная раком, туберкулезом и бронхиальной астмой, — в Ленинграде по подписке о невыезде, имея на иждивении трех малолетних детей. Адвокатом у женщин был уже тогда известный защитник Юрий Киселев.

Я, конечно же, П. П. Можаяеву не подчинился и попросил суд определить женщинам условную меру наказания, а Родионова взять под стражу из зала суда и назначить ему восемь лет лишения свободы в колонии строгого режима.

На следующий день я понял, что, как и все прошлые годы, меня бережет Бог. Друзья рассказали, что после вынесения приговора, как только я уехал, прибежал сын Родионова, спрашивал, где найти прокурора. Вскоре молодого человека задержали за убийство случайного прохожего, студента Электромеханического института.

На допросах убийца показал, что прибежал ко мне в кабинет, чтобы убить именно меня, так как ему внушили, что он может попасть в лагерь вместе с отцом, нужно только совершить тяжкое преступление, например «замочить» Бабанцева. Таким образом, *Господу Богу* было угодно сохранить мне жизнь (аналогичные случаи имели место в городах Канске и Целинограде). Однако на этом события не закончились. Пришлось срочно уносить ноги из прокуратуры в адвокатуру. В 1974 году я защитил кандидатскую диссертацию по специальности «юриспруденция». Затронутые в ней проблемы имели научно-практическое значение, о чем свидетельствовали отклики ученых из Германии. В 1975 году «Общество Знание» меня, как ученого правоведа и Заслуженного тренера СССР, направило с лекциями по правовой тематике на Байкало-Амурскую магистраль. Лекции строители слушали с интересом. Рабочие за двести километров приезжали на мои занятия только для того, чтобы увидеть лектора и услышать живое слово ученого-правоведа. В 1978 году мне было

присвоено ученое звание доцента по кафедре экономики промышленности, планирования и организации предприятий.

Не забывается в памяти защита моей докторской диссертации в Харькове.

Накануне случилось семейное несчастье – скончалась любимая дочь Танечка от рака. Даже неудавшийся брак не помешал ей стать авторитетным специалистом в области полимеров. Она читала профессорские курсы в Текстильном институте, в Чехословакии и других странах.

Мысли о защите уже приобрели второстепенное значение. Хотелось поскорее уехать в Ленинград и поддержать супругу, которую буквально «подкосила» смерть дочери.

Во время защиты в зал заседания принесли конверт с письмом и передали Председателю совета. Ознакомившись с содержанием письма, Председатель прервал заседание и объявил перерыв. Как оказалось позднее, в письме утверждалось, что в Красноярском крае я был не прокурором, а отбывал наказание в тюрьме. Несколько часов обсуждали откровенную ложь. Пасквиль, как я установил позднее, написали бывшие сотрудники СЗПИ. В свое время они полностью парализовали деятельность ВУЗА и были уволены при моем содействии. Защиту было решено продолжать и она закончилась успешно. Обычно такие события всегда заканчиваются праздничным банкетом. Мне было не до застолья и поздравительных речей. Отметив защиту диссертации в одиночестве «граненым стаканом» коньяка, я срочно вылетел в Ленинград.

Диссертация моя «пролежала» около полутора лет в Совете Харьковского университета, а потом более года в ВАКе.

Даже там, «доброжелатели» не оставили меня в покое. Отклики откровенной лжи и «подковерных» склочников докатились и до Москвы.

С 1976 по 1986 гг. я активно работал в Северо-Западном заочном Политехническом институте в должности начальника учебной части и доцента кафедры экономики, сектора права.

Шамрай Борис Викторович,

профессор, один из авторитетных ректоров за всю историю СЗПИ

Поначалу обстановка в СЗПИ была нервной. К счастью, мне повезло работать под началом такого прекрасного человека, как ректор института Борис Викторович Шамрай. Рафинированный интеллигент, умница, талантливый руководитель, он пытался создать коллектив профессионалов и очень радовался, что я вошел в его команду.

В учебном управлении со мной работали двадцать два бывших полковника, вернее

сказать, не работали, а соревновались друг с другом в написании доносов и анонимок, распространяя всякие сплетни. Времени на работу у них не оставалось. Институт терзали постоянные проверки, вызовы в ОБХСС. Шамрай спросил: «Сможете ли Вы за год наладить работу в учебном управлении, избавить коллектив от склочников и бездельников?» Я со всей прямоотой ответил: «Год — это много. Начну с завтрашнего дня претворять в жизнь Ваше решение. Думаю, что максимум трех месяцев мне хватит для нормализации морально-психологического климата в учебном управлении».

Первым с работы вылетел и. о. начальника управления, который явился в институт под вечер. Десять человек были уволены в связи с грубыми нарушениями трудовой дисциплины и профессиональной некомпетентностью. А остальные сами написали заявления об уходе, почувствовав, что прежней вольной жизни не будет. Однако, злопыхатели не успокоились: потоки лживых писем, анонимных жалоб хлынули в адрес ректора, в Министерство образования, Обком партии. Клеветники требовали, чтобы Н. Ф. Бабанцева срочно освободили от занимаемой должности. Как только меня не обзывали: и преступником, и карьеристом, и чуть ли не изменником Родины. Но все это оказалось не страшнее комариных укусов. Я опять устоял, а мой авторитет со временем лишь укрепился.

Кстати, буквально на второй день моей работы в СЗПИ ко мне обратился полковник-отставник и повел разговор о трудоустройстве. Вояка вынул из двух портфелей несколько десятков почетных грамот, удостоверяющих его заслуги, все свои документы, справки и награды, полученные в течение жизни. Посмотрев на весь этот архив, я вежливо заметил, что с таким послужным списком и с такими наградами нужно идти работать не в учебное управление СЗПИ, а в Смольный или даже выше. Посетитель возмутился, перешел на грубый тон и, брызгая слюной, закричал: «Твое счастье, что ты опередил меня на два дня, а то бы разговаривал я с тобой как начальник. Уж я бы тебе наработал!» Столкнувшись с хамством, я применил физическую силу и удалил наглеца из кабинета, посоветовав больше никогда у меня под ногами не путаться. Скорее всего, он имел дружбу с подполковниками-анонимщиками.

М. Б. Дворкин

Богатым на события оказался и 1985 год. Будучи приглашенной в 1985 году на гастроли в Красноярский край, моя жена Ольга Давыдовна Андреева уехала поездом с Андреем Владимировичем Кондратьевым, ее бессменным аккомпаниатором. Меня же задерживала в Ленинграде работа в Городском суде.

Николай Иванович Ермаков, председатель Ленгорсуда, сделал перерыв на неделю и разрешил мне

покинуть процесс на указанный период, а в случае необходимости взять больничный и прислать телеграмму на его имя, заверенную врачами.

Прибыв в Ленинградский аэропорт, я узнал, что рейс на Красноярск переносится с 20 часов на 3 часа ночи. Предстояло ехать либо на дачу, либо в городскую квартиру, а я выбрал третье — отправился в ресторан «Метрополь».

Как обычно, мне предоставили в зале лучшее место. Я попросил, чтобы никого за стол не подсаживали. В 20 часов начал работать оркестр, и ресторан наполнился посетителями. Несмотря на мои возражения, официант все же упросил меня и посадил трех девиц, его знакомых.

Я не обращал внимания на танцы, так как всегда считал, что танцуют только те, у кого нет денег. До отлета в Красноярск решил пересчитать свою наличность. Одна из девиц (кстати, самая симпатичная) осталась за столиком. Итак, две девушки увлеченно танцевали, а третья сидела рядом со мной. В это время молодой человек, которому она постоянно отказывала, решил, что это я не позволяю ей танцевать. Будучи сильно пьяным, он взял пустую бутылку и, отбив днище, набросился на меня с этой «розочкой».

Мне посчастливилось нанести ему точный, сильный удар ногой в пах. Нападение этого «танцора» было профессионально отбито. Однако выяснилось, что он в ресторане был не один, и вскоре подтянулись его друзья.

Я готов был дать достойный отпор нескольким пьяным хулиганам, но они сами поняли, что не на того напали, и ушли восвояси.

Намного позже, может быть через год, я узнал от майора МВД Николая Павловича, что с бутылкой на меня напал офицер его отдела по борьбе с экономическими преступлениями, попросту сотрудник ОБХСС. Хорошие же кадры работали у нас в милиции, если они действовали при помощи «розочек» от разбитых бутылок, как хулиганы и бандиты!

Н. Ф. Бабанцев

Зато в Красноярске все складывалось самым лучшим образом. Там я узнал, что Ольга Давыдовна отказалась от номера в гостинице «Октябрьская», вернее, ее заставили переехать в люкс Спортивной гостиницы на острове отдыха, где директором был наш друг, в прошлом чемпион СССР по боксу Михаил Борисович Дворкин. Я поехал из аэропорта к Михаилу. Голос Ольги Давыдовны очень любила Полина Георгиевна Макеева, секретарь краевого комитета партии по

идеологии, в ее ведении были все вопросы культуры.

Полина Георгиевна попросила Ольгу Давыдовну дать концерт на стадионе, до начала футбольного матча. Для проведения концерта соорудили эстраду, установили пианино и микрофоны. Концерт прошел хорошо, как и последовавший за ним футбольный матч.

Неделя пролетела незаметно, и мне следовало возвращаться в Ленинград, к трудовым будням. Я имитировал тяжелое заболевание и получил больничный. Только таким образом была организована телеграмма в Городской суд Ленинграда. Вскоре врачи потребовали на излечение еще одну неделю, и таким образом счастье в Красноярске было продлено.

Однако, прибыв в Ленинград, я узнал о большом горе: скончалась мама Ольги Давыдовны, Антонина Александровна. Однако меня даже не отпустили с работы, чтобы я мог съездить на кладбище и проститься с любимой тещей.

Как-то раз, возвратившись с физкультурного парада, на котором мы с Геннадием Шатковым, заслуженным мастером спорта по боксу, Олимпийским чемпионом, выносили знамя нашего института, я по телефону получил приглашение срочно прибыть в Академию гражданской авиации. Звонил сам начальник Академии, генерал-полковник Юрий Георгиевич Мамсуров. Был вечер, но я отложил все дела и отправился к Юрию Георгиевичу. Династия Мамсуровых была широко известна своими подвигами в годы Великой Отечественной войны, именами прославленных разведчиков государственных деятелей.

Мамсуров сразу же сообщил, что в ближайшие дни состоится конкурс на замещение должности начальника кафедры правоведения. Подано было много заявлений и документов. Почти все претенденты — профессора из Государственного Ленинградского университета имени А. А. Жданова, включая доктора юридических наук, профессора Анатолия Александровича Собчака. Я поддержал кандидатуру Собчака, но Мамсуров ответил категорическим отказом. Далее генерал сказал, что у Собчака лукавый взгляд и он избегает смотреть в глаза собеседнику. Я предположил, что, возможно, у Собчака косоглазие. В ответ Мамсуров категорично заявил, что он против кандидатуры Собчака.

Я с сожалением констатировал, что, возможно, мне не удастся защитить докторскую из-за происков врагов, клеветы и подлых анонимок, буквально захлестнувших ВАК.

Мамсуров грозно посмотрел на меня: «Везите завтра же документы в Академию. Вы, Бабанцев, спортсмен, ученый, сильный человек. Я в Вас верю. Интересно, когда Вы выигрывали велогонки на первенство СССР, Вы что,

обращали внимание на завистников? Слушали анонимщиков? Я убежден, что Вы и в ВАКе, и на шоссе всегда будете победителем! Вы прирожденный лидер».

Конечно же, Юрий Георгиевич был неординарной личностью. Наверное, он вселил в меня уверенность в необходимости завершения научной работы и защиты докторской диссертации.

По вопросу защиты докторской диссертации я обратился к своему знакомому Игорю Ивановичу Карпецу. В то время он был в звании генерал-полковника и занимал пост начальника уголовного розыска МВД СССР. На мои жалобы по анонимным письмам, которые меня «душат» он ответил, что в его ведомстве дела обстоят еще хуже. Взятчик, погрязший в присвоении конфискованных драгоценностей, картин и бриллиантов, министр МВД Щелоков «душит» и его.

Мне он посоветовал не расстраиваться и не переживать. При этом добавил, что степень доктора наук мне не видать, т.к. слишком много получено писем с «компроматом». В конце беседы попросил меня зайти в ВАК, забрать все материалы и успокоится.

Председатель совета Кудрявцев все мои материалы назвал «купленной стряпней» и попросил покинуть совет. Несмотря на это, я обратился с настоятельной просьбой допустить меня к защите. При этом заявил, что если моя просьба не будет удовлетворена, я вынужден буду обратиться к Николаю Варфоломеевичу Пелипенко. Он в то время занимал должность заместителя начальника отдела науки ЦК КПСС и в прошлом вручал мне кубок за рекорд страны в велогонке на 150 км.

Я требовал: «Дайте мне возможность произвести защиту в экспертном совете. Выслушайте мое выступление, а потом засыпайте. Ваше право!»

Учитывая, что мое требование касалось допуска к защите, а не присвоения научной степени, Кудрявцев принял решение о допуске к защите диссертации.

После нескольких часов поиска стенографистки меня допустили к защите. Первый вопрос касался времени защиты. Я попросил 20 минут. Прозвучало требование уложиться в 8 минут и «колесо фортуны» закрутилось. После короткого доклада посыпался шквал вопросов.

Некоторые вопросы касались и тематики «подметных» писем.

Члены ВАКа регулярно получали многочисленные анонимки, в которых сообщалось, что я в Красноярском крае отбывал наказание в лагере, а не работал краевым прокурором. Также был донос от членов Целиноградского Обкома Компартии Казахстана, которые не простили мне расстрелянного племянника второго секретаря. По этому уголовному делу я поддерживал обвинение и требовал применения высшей меры наказания – расстрела за совершенное убийство.

Вопросы задавались в течение трех часов. Лишь в 23 часа мне было объявлено, что члены ВАКа будут ходатайствовать о присуждении ученой

степени доктора юридических наук. 16 января 1987 года мне была присуждена ученая степень доктора наук.

В приподнятом настроении я успел на ночной поезд. В купе нас было четверо, а через некоторое время моих соседей разместили в других местах, а в купе вошел пассажир и, представившись Василием Ивановичем, сказал, что уважительно относится к представителям авиационной отрасли. При дальнейшем знакомстве оказалось, что его сын учится в г. Выборге в училище гражданской авиации. За разговорами незаметно пролетела ночь, и поезд прибыл в Ленинград.

Придя на работу в Академию гражданской авиации, я доложил о своей защите только начальнику академии генерал-полковнику Мамсурову Юрию Георгиевичу. Для меня он всегда был безукоризненным авторитетом, и я счастлив, что работал под его руководством. В академии его многие ненавидели. Пасквилей на его было предостаточно. Однажды В. И. Захаров, собирая подписи на очередное «подметное» письмо, обращался и ко мне. Вместо подписи я написал, что Мамсуров ярчайшая и легендарная личность.

Через короткое время после моего приезда, Михаил Михайлович Волков сообщил министру гражданской авиации, что в ВАКе я провалился и просил освободить меня от должности заведующего кафедрой. В этот период на мою должность претендовал профессор Анатолий Александрович Собчак.

Много лет спустя, после успешного окончания уголовного процесса в Москве, в котором мне пришлось участвовать в качестве адвоката, перед отходом поезда я зашел перекусить в ресторан «Славянский базар». Через некоторое время к моему столику подошел Михалченко. Сложно вспомнить о фразах, которые произносил пьяный Михалченко в качестве извинений за свое поведение на Целине. Не раздумывая, я со всей силой ударил его по физиономии, и он окровавленный рухнул между столов.

Для элитного ресторана это было совершенной дикостью. Тут же была вызвана милиция и скорая помощь и нас доставили в ближайшее отделение милиции для проведения допроса. Михалченко было предложено госпитализироваться, но он отказался.

Сейчас сложно предположить, чем бы закончилась ресторанный история, если бы не удалось связаться с моим близким другом Львом Петровичем Барановым. Он в то время был прокурором г. Москвы. После моего звонка он связался с районной прокуратурой и дал указание «ресторанную драку» замять. Лев Петрович был единственным человеком, который протянул мне «руку дружбы» на Целине. Это я помню всю свою жизнь и очень благодарен судьбе за дружбу с замечательным человеком с большой буквы. Природа щедро одарила его долголетием. Он заслужил это своим безупречным прошлым.

Желаю его близким счастья.

В 1988 году, когда были согласованы вопросы по открытию Центра повышения квалификации транспортных прокуроров страны, я обратился к Генеральному прокурору, тем более, что его заместителем по транспорту был государственный советник юстиции 2-го класса Лев Петрович Баранов, с которым я четыре года работал краевым прокурором Целинного края в Казахстане. Он, естественно, поддержал важную инициативу. Проблему решил сам Генеральный прокурор, после того как выслушал начальника Управления уголовного розыска страны, директора института предупреждения и профилактики преступлений МВД Советского Союза, генерал-полковника Игоря Ивановича Карпеца, а также заместителя по Генпрокуратуре Ивана Ивановича Панкратова. Вопрос был не из легких, потому что оба руководителя возглавляли институты Генеральной прокуратуры и МВД СССР, где имелись все возможности проводить работу по повышению знаний транспортных прокуроров и следователей. На стол Генерального прокурора страны я выложил обширную методическую литературу и тексты лекций ученых Академии, конкретно моей кафедры, а также попросил, чтобы указанную литературу оценили ученые — специалисты по воздушному праву. Генеральный прокурор дал высокую оценку нашей научной работе и активно поддержал меня в этом начинании. Конечно, такого еще никогда не было: при наличии собственного института повышения квалификации прокурорско-следственных работников транспортных прокуратур СССР проводилось не в институте Генеральной прокуратуры, а в Академии гражданской авиации.

С 1988 года в Центр ежегодно съезжались представители транспортных прокуратур страны для участия в работе семинаров, конференций и обмена опытом. Большую помощь всегда оказывали Лев Петрович Баранов, Игорь Владимирович Градусов, Николай Филиппович Никулин, Валерий Васильевич Балясников, Михаил Юрьевич Смуров, Кальченко Анатолий Григорьевич и многие ученые Академии. Центр активно действовал по 1995 г.

В учебный процесс мною были внедрены новейшие и эффективные методы преподавания. Я практиковал немедленный анализ происшедших катастроф на конференциях и семинарах с участием прокурорско-следственных работников. Таким образом, кафедра превратилась в крупный научный центр в системе Министерства гражданской авиации, всей питерской юриспруденции. Значительную помощь оказывал мне государственный советник юстиции 3-го класса Игорь Владимирович Градусов.

Очень часто Академию навещал мой друг по совместной работе в краевой прокуратуре Целинного края, государственный советник юстиции 2-го класса Лев Петрович Баранов, который впоследствии возглавил транспортную прокуратуру Советского Союза. Вот тогда и была оказана определяющая помощь в создании на базе Академии Центра повышения квалификации прокурорско-следственных работников транспортных прокуратур страны.

Лекции Л. П. Баранова проходили со значительным успехом. Тогда же были организованы и научно-практические конференции по тематике правового обеспечения безопасности полетов, в которых принимали участие заинтересованные в новизне знаний сотрудники Министерства гражданской авиации. Интересно преподносил материал талантливый летчик, прекрасный специалист Валерий Васильевич Данилов. Во время лекций Л. П. Баранова и В. В. Данилова был полный аншлаг, даже самые большие аудитории не вмещали всех слушателей. Л. П. Баранов владел новейшим материалом расследования катастроф и излагал его талантливо; он не был ни кандидатом наук, ни доктором, а просто являлся великолепным юристом, поэтому и достиг высших прокурорских званий. Не зря же от должности прокурора-криминалиста прокуратуры Целинного края он поднялся до должности прокурора края, заместителя Генерального прокурора, прокурора города Москвы.

В 1995 г. сама жизнь потребовала преобразования центра в факультет. Весной 1995 г. зам. нач. Академии Верещаке А.И. пришла мысль ликвидировать центр и кафедру правоведения. Реализуя свою личную идею и пользуясь всяческой поддержкой в Министерстве гражданской авиации, он поручил А.И. Оркину, пригласить меня на комиссию и сообщить, что кафедра правоведения с нового учебного года ликвидируется. Всем было предложено по окончании года уволиться. Только М.М. Волкова переводили на другую кафедру. Сам же Волков М.М. уговаривал меня уволиться.

Влияние Верещаки было значительным, особенно если учитывать, что руководящий состав Министерства гражданской авиации состоял исключительно из выпускников Академии, а дипломы им подписывал сам Верещака, благословляя на дальнейшую деятельность. Но не все так просто в государстве Российском! Дружба, связи, выпивка, семейственность — это одно, а задачи страны — совсем другое. Я, как всегда, оказался со щитом, а поверженный Верещака был уволен.

Помню, как однажды, выслушав все наставления А. И. Верещаки (к кому в Министерстве следует обратиться для решения спорных вопросов), я, прибыв в столицу, отправился к своим знакомым в КГБ и Генеральную прокуратуру. Заместитель Генерального прокурора А. И. Панкратов, бывший прокурор Красноярского края, отказался разговаривать по телефону, ссылаясь на занятость.

Однако впоследствии он узнал, что именно я подготовил в Красноярске десятки мастеров по велосипедному спорту, сказал: «Что же ты, Николай, не представился? Заходи. Жду». В дальнейшем события развивались по моему сценарию: ответственных руководителей Министерства, с которыми у Верещак была договоренность, стали вызывать в Генеральную прокуратуру и в КГБ. Вызовы в такие высокие инстанции всегда большое испытание для нервной системы. Узнав о цели вызова, их облегчению не было предела, и необходимые ходатайства по открытию юридического факультета в Академии гражданской авиации были ими подписаны.

Лицензирование факультета проходило в условиях жесточайшего противостояния с Министерством. Ряд высокопоставленных чиновников, откровенно саботировало его создание. Дело дошло до нескольких телеграмм в адрес Бориса Николаевича Ельцина, в которых я обстоятельно аргументировал важность и необходимость лицензирования юридического факультета. Президент России поддержал меня, и я многие годы благодарен ему за это. Это поставило последнюю точку, и наши усилия были вознаграждены. Рождение факультета состоялось.

15 октября этого года исполнилось 17 лет нашему факультету. Юридический факультет осуществляет подготовку высококвалифицированных специалистов, и не только для своей отрасли. Наши выпускники востребованы в правоохранительных органах, в таможене, прокуратуре, различных учебных заведениях, судах, в адвокатуре, ФСБ, системе исполнения наказаний, в частном секторе.

В процессе подготовки к плановым аттестациям и аккредитациям получены характеристики на работающих выпускников юридического факультета Университета, которые подтверждают их высокие знания, а также регулярное повышение в должностях; они служат в органах юстиции, в таможах, арбитражном суде, занимаются банковской деятельностью.

Преподаватели юридического факультета

Востребованность юристов нашего Университета объясняется и тем, что буквально с первого курса студенты проходят практику в организациях и на предприятиях в различных юридических структурах, административных органах города, активно приобщаются к юридической работе на общественных началах. Бесспорно, что диплом об окончании — это только начало пути в практическую занятость и в большую науку. Выпускники юридического факультета крайне востребованы в гражданской авиации, потому, что знания юриспруденции очень

важны для безопасности полетов: это вопросы охраны здоровья и жизни граждан России, других государств, всех, кто пользуется услугами Аэрофлота.

Практику наши студенты проходят не формально, под руководством моих друзей. Так, многие годы нам помогают два генерала: Геннадий Иванович Резонов и Геннадий Степанович Пантелеев. Г. И. Резонова знаю еще с красноярских времен, когда он был прокурором края, а потом первым заместителем прокурора Санкт-Петербурга. Одновременно он являлся председателем Государственной аттестационной комиссии на нашем факультете. Таким образом, дружба подкрепляется конкретной помощью при подготовке квалифицированных юристов. Геннадий Степанович Пантелеев возглавлял Новгородское, затем Ленинградское управление КГБ, а в настоящее время оказывает помощь факультету в подготовке кадров. Хочу отметить и заслуги Владимира Викторовича Зубрина, заместителя министра юстиции РФ, который несколько лет подряд являлся председателем ГАКа юридического факультета ГУГА.

Отрадно, что студенты юридического факультета участвуют в научно-практических конференциях вузов города и страны, получая дипломы победителей.

Совсем недавно трое студентов 4-го курса победили в Минске на Международной олимпиаде юристов, в которой участвовали представители 25 вузов из 15 стран.

Следует отметить, что с целью повышения знаний и практических навыков в правоохранительной деятельности разработаны и внедрены в учебный процесс, начиная с 3-го курса, по дисциплинам уголовного права и процесса, криминалистике деловые игры. На занятиях, проводимых в зале судебных заседаний факультета, студенты выполняют обязанности судий, прокуроров, адвокатов, секретарей судебных заседаний, подсудимых, присяжных заседателей, гражданских истцов, ответчиков, судебных приставов, потерпевших, свидетелей, экспертов и представителей заинтересованных сторон по уголовным и гражданским делам.

Н. Ф. Бабанцев и Э. П. Шибанова

Выпускница заочного отделения юридического факультета, доцент кафедры Элма Павловна Шибанова, имея высокие профессиональные знания (до юрфака она получила высшее техническое образование), более 40 лет успешно осуществляла учебно-методическую работу, а в качестве заместителя декана 17 лет практически руководила факультетом.

За последние пять лет 13 наших выпускников были удостоены ученых степеней кандидатов юридических наук. Они работают в вузах Санкт-Петербурга, где успешно преподают и возглавляют кафедры.

С 2003 года на юридическом факультете функционирует центр воздушного законодательства и юридическая консультация (клиника) по правовым вопросам, где работают на общественных началах ведущие ученые, которые входят в состав Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга. Консультации осуществляются по гражданским и уголовным вопросам, а также по трудовым спорам и различным конфликтным ситуациям.

Важным вкладом в вопросы нравственного и патриотического воспитания являются исследования кандидата юридических наук, профессора кафедры гражданского и уголовного права, академика Международной академии наук экологии и безопасности человека Ларисы Николаевны Аруевой.

В этих работах поднят актуальный вопрос о необходимости разработки Проекта концепции приоритетной государственной программы «Развитие правовой культуры и воспитание правового сознания населения России на современном этапе». Научный коллектив юридического факультета способен возглавить разработку этого важнейшего документа современности.

Как уже неоднократно отмечалось, юридический факультет нашего Университета известен в стране как кузница подготовки юристов широкого профиля, в том числе для транспортных структур. Этим объясняется то обстоятельство, что председателем Государственной аттестационной комиссии у нас согласился быть заместитель Генерального прокурора России, генерал-полковник юстиции Владимир Викторович Зубрин, который дал высокую оценку знаниям выпускников.

*Давид Вахтангович Куталия
с супругой Аленой.*

В 2008 году на должность заместителя начальника Управления Генеральной прокуратуры России назначен **Давид Вахтангович Куталия**, защитивший кандидатскую диссертацию под моим руководством.

